

РЕЧЕВОЙ КОНФЛИКТ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ (на примере романа Цзя Пинва «Циньские напевы»)

А. В. Игнатенко

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН),
Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Поступила в редакцию 23.10.2023 г.
Принята к публикации 15.05.2024 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-8

Рассмотрена междисциплинарная проблема конфликта и, в частности, ее лингвистическая специфика как компонент эмотивного плана в художественном дискурсе на материале романа «Циньские напевы» Цзя Пинва (《秦腔》贾平凹, 2005). Цель исследования – проанализировать аспекты речевой и языковой конфликтности и ее деструктивные формы в лексико-семантических, синтаксических и функционально-стилистических единицах языка. Конфликтный коммуникативный акт рассматривается как следствие определенных неудач в речевом взаимодействии, а также как нарушение конвенций и правил дискурсивного поведения. Языковые противоречия и конфликты анализируются в рамках эмотиологии, то есть на уровне эмотивности и эмотивного поля в прагматическом пространстве художественного дискурса, как мультимодальные явления системных отношений эмоциOVERBALIKI. Выступая в качестве особых элементов структурного напряжения текста, своего рода языковых и смысловых доминант или аттракторов, дискурсивные противоречия материализуются в качестве стилистических единиц различного уровня, и могут быть использованы как инструмент для произведения необходимого эффекта в художественном нарративе. Лингвистически конфликт инициируется и диагностируется в нарушении прагматико-семантических и стилистико-синтаксических конвенциональных норм. На конкретном материале доказывається, что использование конфликтного дискурса в прозе составляет одну из особенностей идиостиля Цзя Пинва, интегрирующего различные коммуникативные стратегии. Результаты исследования обеспечивают основу для дальнейших исследований речевых столкновений в китайской художественной литературе.

Ключевые слова: Цзя Пинва, китайская литература, лингвистика конфликта, эмотивность, «Циньские напевы»

1. Введение

Противоречия в языке и речи художественного дискурса не только находятся в сфере внимания филологии, социологии и психологии, но также выступают объектом исследования лингвистики текста, когнитологии и конфликтологии. Они имеют национально-культурные и индивидуальные свойства и проявляются в рамках взаимодействия различных художественных нарративов (повествователь, персонажи, общество, автор, читатель и пр.). В основе языкового конфликта лежит острое столкновение характеров и обстоятельств, взглядов, жизненных

принципов и позиций, несовместимых намерений и целей, недопонимания, экстралингвистической антипатии и прочих, положенных в базовую мотивировку действий художественного произведения в процессе синтеза и сюжетостроения. Развитие языковых конфликтных ситуаций реализуется в противоборстве, противоречии, дуализме и конфронтации между нормами и конвенциями в речевом поведении, а также между героями, группами героев, героем и обществом или во внутренней борьбе героя с самим собой.

В настоящем исследовании языковые противоречия и конфликты рассматриваются в рамках эмотиологии, то есть на уровне эмотивности и эмотивного поля в семантико-стилистическом и прагматическом пространстве художественного дискурса, как мультимодальные и прагматические явления системных отношений эмоциOVERБАЛИКИ. Выступая как особые элементы структурного напряжения текста, своего рода языковые и смысловые доминанты или аттракторы, дискурсивные противоречия материализуются в качестве стилистических единиц различного уровня, и могут быть использованы как инструмент для создания необходимого эффекта в художественном нарративе.

Выбор художественного материала – романа Цзя Пинва (贾平凹, род. 1952) «Циньские напевы» (《秦腔》, 2005) – обусловлен, во-первых, огромной популярностью писателя на родине: произведению в 2008 году была присуждена престижная Седьмая литературная премия Мао Дуня (第七届茅盾文学奖), а во-вторых, отсутствием должного внимания со стороны отечественных исследователей идиостиля автора и художественного универсума произведения. В основе сюжета романа – социальные перемены и потрясения в 1980-е годы, а также изменения нравственных ценностей и общественных отношений на переломе эпох, которые автор выразил очень образным языком. Повествование ведется от лица «сумасшедшего» Чжан Иньшэна (张引生) на протяжении двадцати лет. Все это послужило остенсивным материалом в изучении проблем коммуникативных провалов, сложных отношений и речевых столкновений в художественном дискурсе как универсальной категории, способной репрезентативно отражать и имитировать живую речь в статике.

2. Теоретические основы исследования

Исследования в области конфликтологии обычно начинаются с утверждений о возрастании напряжения в современном мире и усилении столкновений по самым разным поводам между странами и внутри отдельных народов. Особая роль в агрессивной нарратологии принадлежит лингвистике. Лингвистической стороной конфликта занимается лингвоконфликтология. Обзор подходов к лингвистической конфликтологии за последние тридцать лет (с 1990 по 2022 год) в нашей стране систематизировала А.С. Киндеркнехт (2023), проведя количественное исследование и типологизировав виды конфликтов (внутриличностный и межличностный, межгрупповой, а также между челове-

ком и группой). Комплексное исследование феномена «конфликт», имеющего место в межличностной коммуникации, провела Л. Р. Комалова, введя в научный оборот понятие «концепции коммуникативных техник»: последние рассматриваются как «комплексные дискурсивные единицы, используемые адресантом и направленные на активизацию определенного коммуникативного поведения адресата» (2016, с. 15).

Структуру конфликта с фреймовой позиции предложила Е. Г. Беляевская, формализовав его схематически во временных условиях «расхождение — несогласие — противостояние — конфронтация — конфликт» (2021, с. 153). К конфронтационным стратегиям можно отнести инвективную стратегию, стратегии агрессии, насилия, дискредитации, принуждения, подчинения, разоблачения, реализация которых обусловливает возникновение дискомфортной коммуникативной ситуации и ведет к вербальному конфликту. Стратегии конфронтации связаны непосредственно с конфронтационными тактиками, в которые входят запугивания, угрозы, упреки, обвинения, издевки, колкости, оскорбления, провокации (Муравьева, 2002). Подробный анализ базовых оппозиционных категорий «я» и «ты», присущих всем языкам мира, с семантических позиций провела А. Вежбицкая, отметив, что они являются незаменимыми строительными универсалиями человеческого общения и понимания (Wierzbicka, 2022, p. 933).

В последнее время также получают научное основание разработки в области инклюзивного языка, который подразумевает отказ от слов с нежелательными коннотациями и ассоциациями, избегание стереотипов, эвфемии и т. п. (Леонтович, 2021). Воздействие новых коммуникационных технологий, языковых и культурных контактов на цифровое, межличностное и публичное общение в различных контекстах и курсах и их влияние на коммуникативную и языковую вариативность исследовали З. Р. Эслами, Т. В. Ларина и Р. Пашмофоруш (2023), а также М. Била и С. В. Иванова (Bilá, Ivanova, 2020).

Что касается эмоций, то понимание их как определенных мозговых процессов начинает складываться в начале XIX века, до того времени человечество пребывало в поиске и формировании культурных конструктов, выражавших конкретный тип чувств и связанных с исторической эпохой или модой. Похожие явления называли различными терминами: нравы (*temperaments*), страсти (*passions*), сантименты (*sentiments*) и пр. Со временем большинство этих понятий было вытеснено словом *эмоции* (Ферт-Годбехер, 2022). Эмоции сегодня являются объектом изучения не только психологии, физиологии, философии, но и филологии и лингвистики. Основу лингвистики эмоций, или эмотиологии, в языкознании заложил В. И. Шаховский (1987; 2008).

Вербализация эмоций, являясь одним из важнейших направлений современной лингвистики, формирует языковую, или, точнее, модальную картину мира, которая в различных лингвокультурах организуется в соответствии с этнонациональными языковыми и культурными правилами и нормами. Выражение и понимание человеком различных чувств зависит также в большой степени от эпохи и культуры. Культура

эмоций китайцев по их речевому поведению довольно экспрессивна и проявляется в коммуникативном оптимизме, уклончивости. В то же время под влиянием социализации в определенных контекстах они могут скрывать, контролировать, стимулировать и имитировать эмоции (Спешнев, 2017, с. 15).

Художественный текст рассматривается как особый вид коммуникации и взаимодействия автора-художника и читателя посредством произведения искусства, также в свете теорий лингвоэстетики (Фещенко, 2021) и лингвокреативности (Зыкова, 2023). Художественный дискурс отражает эмоциональные переживания жизни людей, иногда усиливая их концентрацию. По словам В. И. Шаховского, «любой художественный текст обязательно воспроизводит эмоциональную жизнь людей» (2008, с. 15). Он также утверждал, что «художественная коммуникация является слепком реальной коммуникации» (Там же, с. 173). Эмотивы всегда стилистически отмечены и наиболее полно реализуются в художественном дискурсе. Порождаемый с помощью лингвистических средств и приемов эмотивный фон участвует в коммуникации между автором и читателем, создавая национальную картину чувств и эмотивную плотность художественного текста. Эффективность такого рода коммуникации зависит от знания читателем эмотивного фонда в контексте конкретной культуры и языка (Игнатенко, 2023а).

В художественном дискурсе субъектоцентризм и антропоцентризм позволяет вовлечь в анализ проблемы эмоциональных и конфликтных интенций художественную личность и авторскую картину мира. Так, художник слова через языковое сознание и актуализацию в конкретных речевых образцах находит филологические инновации, уникальные синтаксические рисунки, неологические модели словообразования и т. п., что можно рассматривать как своего рода лингвистические маркеры эмотивной конфликтности (стресс, нервное напряжение, раздражение, депрессия, импульсивный взрыв, ссора и пр.).

3. Анализ и результаты исследования

Любой текст, в том числе художественный, является инструментом коммуникации, так как коммуникативная функция выступает его основной функцией. Художественный текст представляет собой семантический каркас, в котором проявляются авторские дискурсивные особенности, реализуемые на различных уровнях. Многие повествовательные и образные задачи в современном китайском художественном дискурсе, который развивается в рамках неореалистического направления, решаются за счет стилистического своеобразия и конкретных стилистических приемов (Игнатенко 2022; 2023б). Так, языковой конфликт не является исключением и может рассматриваться с позиций авторского идиостиля. В системе образов романа «Циньские напевы» основным повествователем и героем является аутист-эпилептик, повествование которого укладывается в сложный и драматический период китайской истории.

Постоянные речевые конфликты между персонажами в романе выступают в качестве художественной особенности произведения и метафоры китайской жизни периода после «культурной революции» (1966–1976) с ее разрушительными последствиями. Метафора с когнитивных позиций рассматривается сегодня в широком экстралингвистическом контексте (Солопова и др., 2023; Сунь и др., 2021; Козлова, 2020). Также художественная особенность романа заключается в постоянном обращении Цзя Пинва к интермедийальному дискурсу и экфрасису как приему интермедийальной поэтики (Козлова, Кремнева, 2022; Игнатенко, 2019) в образной передаче театра, музыки, живописи (портреты, маски, грим, картины), парных надписей (*дуйлянь*) и т.д. Конфликт проявляется на разных уровнях: в быту, в супружестве, в общественных работах, в общении, в противостоянии семей, в межличностной коммуникации и пр. Рассмотрим некоторые частные примеры и случаи:

(1) 他这话我不爱听，走过去，抓一把土撒在他的碗里，我们就打起来¹。

[Мне его *слова не понравились*: когда он отошел, я схватил горсть земли и насыпал ему в пиалу, мы и подрались²] (здесь и далее на русском языке цитируется перевод А.Н. Коробовой; Цзя Пинва, 2017, с. 11–12).

В примере (1) повествователь и главный нарратор — Чжан Иньшэн — рефлексировать по поводу высказывания работника завода по обжигу кирпичей Саньчи, который прокомментировал предмет вождения аутиста — Бай Сюэ. Действия Чжан Иньшэна обусловлены внешними лексическими катализаторами (усилителями), то есть психологически маркерами речевой деятельности, транслирующими семантические импульсы, которые повлекли физиологическую реакцию реципиента. Другим примером провокации может быть:

(2) 我说大话，君亭要是口气软和，给我解释解释，事情也就过去了，但是君亭说：告去！他那神情压根就瞧不起我，我就火了。

[Я сказал это *нарочно*: если бы Цзюньтин отреагировал более мягко, все бы мне по порядку объяснил, дело бы этим бы закончилось. Однако он сказал: «Иди жалуйся!» Он с таким презрением посмотрел на меня, что я *вспыхнул*] (Цзя Пинва, 2017, с. 74).

В данной ситуации описывается попытка минимизации деструктивной формы конфликта, снижения психологического напряжения между субъектами и перевода негативного поведения в социально-позитивное русло. Предконфликтная перцепция и стереотипные установки рефлексирующего коммуниканта не оправдывают его ожидания, демонстрируют неожиданную и безучастную реакцию оппонента в грубой форме, из-за чего доля речевого воздействия, получаемая от реципиента, оказывается значительно сильнее и стимулирует новый

¹ Текст на оригинальном языке цит. по: 贾平凹. 《秦腔》 (Цзя Пинва).

² Перевод на русский язык приведен по: (Цзя Пинва, 2017).

контур конфликта. Это разворачивает драматическую коллизию, порождает столкновение, высокую степень эмоционального напряжения и дальнейшую речевую агрессию, которая выступает формой эмоционального реагирования на фрустрацию. Обида играет важную роль и в следующем контексте:

(3) 三蹩的爹也就从那场事起，着了一口气，肚子涨，涨过了半年，新麦没吃上人就死了。

[Отца Саньчи после этого *такая обида переполнила*, что у него распух живот, отекал полгода, и до нового урожая не дожил, *помер*] (Цзя Пинва, 2017, с. 82).

Здесь переполняющее чувство классовой несправедливости и противостояния ведет к тяжелым последствиям. Конфликт разворачивается из-за жалобы Саньчи на Цзюньтина по принципу «нападение — лучший способ защиты» (以攻为守). Вербализация конфликта приводит к его стилистическому накалу (букв. «не поев нового урожая») и драматическому исходу («помер»). Другим примером развернувшегося конфликта может быть пример (4):

(4) <...> 他呸了一口。陈亮说：“你呸呸着干啥，我得得罪你你了？！”又呸了武林一口。<...> 我悄声说：“武林是慢结巴，陈亮是快结巴，让他们吵架不知是个啥状况？”

[<...> он и плюнул в его сторону: тьфу! Чэнь Лян возмутился:

— Что значит тьфу-тьфу? Что я тебе-тебе сделал-сделал? — И тоже сказал Улиню: — Тьфу! <...>

Я тихо сказал: «Улинь — медленный заика, Чэнь Лян — быстрый заика, если они поругаются, интересно, чем дело закончится?»] (Цзя Пинва, 2017, с. 121).

Языковая экзистенция личности здесь в процессе лингвистической креации проецирует языковое сознание в динамике моделей развития конфликтных ситуаций. Нарушение правил речевого общения Улинем и его затекстовое поведение, выраженное презрительным отношением к Чэнь Линю, продуцирует речевую агрессию собеседника. Инициатор конфликта с целью демонстрации неприязни в отношении адресата использует междометие '呸' («тьфу»), которое выступает конфликтным коррелятом и помехой успешной коммуникации. Возникшая конфронтация реализуется на уровне повышенной фрустрации личности. Особенностью данного коммуникативного акта выступает проблема языкового строительства Чэнь Линем, которое происходит с дефектацией в виде сильного заикания. Такое же отношение к заике проявляет и повествователь Чжан Иньшэн:

(5) 我懒得和武林说话，我瞧不起他，才要呸他一口，<...>。

[Мне *неохота было разговаривать* с Улинем, я относился к нему с пренебрежением, только сказал: «Тьфу!» на него...] (Цзя Пинва, 2017, с. 13).

Другим примером обнажения сознательных и бессознательных причин конфликтного поведения может быть диалог, в котором Улинь обвиняет Чэнь Линя в том, что он измазал его шляпу ваксой. Оба пытаются использовать инвективную лексику:

- (6) “你，你碎?! 小鸡给老，老鸡踏，踏蛋，蛋呀?! ”陈亮没听懂这句话。武林就说：“我，啊我，日，日，日你，娘!”陈亮说：“我日你奶日日你娘娘日你老婆!”气得武林瞪了眼，手指着陈亮了半天，说：“一，啊一，一样，啊一样!”
- [— Ты-ты сопляк! Цыпленок топ-топчет яй-яйца ку-курицы?!
- Этих слов Чэнь Лянь не понял. Тогда Улинь объяснил:
- Я-я... твою мать!
- А я... твою бабушку, мать-мать и жену!
- Рассердившись, Улинь вытаращил глаза. И долго тыкал пальцем в Чэнь Ляня, повторяя:
- Я т-т-тоже! (Цзя Пинва, 2017, с. 121–122).

Изображение коллизии ругающихся заик как отправителей речи в примере (6) передает психолингвистические особенности эмоционально-мыслительных концептов. Взаимокорреляция языковых единиц в эмотивном поле сопровождается уничижительной лексикой, парцелированным криком, пунктирной паузацией, ситуационной абсурдизацией. Языковое сознание разных языковых личностей в ходе поступательной эскалации конфликта насыщает психолого-коммуникативное противоречие, которое развивает конфликтный потенциал и ведет к коммуникационному тупику. Предмет столкновения (испорченная шляпа) непосредственно переносится на конфликтующие субъекты, избирательное внимание которых сосредоточивается на индивидуальных лингвокреативных процессах, которые выглядят карикатурой друг на друга и связаны с нарушениями нормативного произношения. В построении модели коммуникативного поведения языковой личности также важна эмоциональная перцепция.

- (7) “你不骂我，我只是来传达刘干事的意见的!”哑巴还是哇哇叫喊。
- [— Ты на меня не кричи, я только передаю мнение сотрудника управы Лю. Немой продолжал громко мычать] (Цзя Пинва, 2017, с. 198).

В примере (7) выбор поведения (дистанцирование от ответственности за сказанное) Шу Чжэня сопровождается использованием уклонения от прямого столкновения, но с преобладанием модальной уверенности, что приводит к попытке трансформации конфликтной коммуникации в консенсуальный дискурс и нейтрализации деструктивного спора. Но попытка бегства и ухода от прямого столкновения с помощью иронизирования и модализации провоцирует бессловесное нападение со стороны Немого, пытающегося справиться с фрустрирующим фактором. При этом комический эффект данной коллизии придает то, что Немой, не обладающий полноценной коммуникативной компетенцией, слышит и понимает, имитирует криками речевое взаимодей-

ствии, стимулируя тем самым агрессию. Поэтому поведение Шу Чжэня можно интерпретировать амбивалентно: с одной стороны, он проявляет видимое волевое поведение и пластичность с установкой на сотрудничество, с другой — подтрунивает над инвалидом, не относясь серьезно к конфликтной ситуации. Другим примером эскалации конфликта выступает спор, рискующий перерасти в конфликт, в следующем фрагменте:

(8) 中街刘家的那两个傻子娃从牌楼下过来，争论着天上的太阳，一个说是太阳，一个说是月亮，他们拦住了一个过路人，那人说：我不是清风街的，不太清楚。

[Из-под арки вышли две сумасшедшие девочки из семьи Лю с Центральной улицы. Они спорили по поводу солнца на небе. Одна говорила, что это солнце, а другая — что это луна; остановили прохожего, попросили его рассудить их, а тот в ответ: «Да я сам не местный, не в курсе»] (Цзя Пинва, 2017, с. 41–42).

В данном примере конфликт профилактируется созданием образной комической фигуры и, как следствие, комическим эффектом. В основе спора, по сути, антитеза, которая обрисовывает сферу конфликтной ситуации. Спор в отличие от столкновения отличается, как правило, тем, что может быть лишен агрессии и в художественном дискурсе может быть замечен в результате интерпретации.

В условиях сложной политической ситуации, когда общество стояло в оппозиции властям, каждый болезненный выход на приватную территорию рассматривался как акт агрессии. Так, в примере (9) эмоциональность возникает на стыке несоответствия ожиданиям инициатора ссоры:

(9) 我本来要同情他的，他竟然说：“引生，你那水田里的草都长疯了，你咋不去拔拔？”我就来气了，说：“你有空的时候你去拔拔么！”他说：“你以为你是村干部呀？”

[Я было ему *посочувствовал*, но он вдруг сказал: «Иньшэн, на твоём заливном поле травы прут как сумасшедшие, ты бы пошел прополол!» Я *рассердился* и говорю:

— Если у тебя время есть, иди и сам прополи!

— А ты что начальство деревенское, мне задание давать?] (Цзя Пинва, 2017, с. 42).

Кратковременное переживание рассерженности выступает здесь показателем отрицательного психофизиологического комфорта личности, что отражается на вербальном уровне и порождает спонтанно-незапланированную эмоционально-резкую коммуникацию. Другим примером такого рода провокации может быть следующая фигура речи:

(10) “屙下的屎能吃吗？”

[— А дерьма съесть не хочешь?] (Цзя Пинва, 2017, с. 147).

В примере (10) конфликтоген, выраженный инвективной лексикой, через словесное оскорбление, запугивание и унижительный образ призван подавить адресата и подчинить его своей воле. В качестве приема используется риторическая коммуникативная техника. Рассмотрим еще один пример:

(11) 狗剩说：“我的碯呀，你咋老成这熊样啦？！”老女演员变了脸。狗剩要和她握手，她把手塞到口袋里。

[— *Ох, ничего себе! Как же ты пострашнела с возрастом!*

Актриса покраснела. Гоу Шэн протянул ей руку для рукопожатия, но она спрятала ее в карман] (Цзя Пинва, 2017, с. 20).

В примере (11) вскрывается попытка выхода на поле эксплицитного конфликта и его разрушительного воздействия. Уход от столкновения и нивелирование унижительного обращения являются следствием конфликтоустойчивости актрисы и ее нежелания продуцировать и породить агрессию. Концептуальный возрастной коррелят (старость) и его следствие («пострашнела») рассчитан на референцию эмотивного кода. Эмоциональное состояние актрисы локализуется во внешних проявлениях (покраснела, отказалась пожимать руку). В то же время инициатор оскорбления не придает значения своему пренебрежительному высказыванию и не имеет намерения разворачивать столкновение («протянул ей руку»).

(12) 武林扑过来要打我，我说：“你过来，你狗日的过来！”武林就没敢过来，举着手落下去，捡了那个瓶子底，瓶子底里还有一点酒，他唾一口，说：“啊，我惹你？你，你，你是疯子，不，不惹，啊惹！”又唾一口。

[Улинь *рванулся было ко мне, чтобы ударить, а я ему: «Подходи, сукин сын, твою мать, иди сюда!» Он не посмел, поднятые руки опустил, подобрал отбитое дно бутылки — хлебнул оставшееся на доньшке вино — и сказал: «А-а, задело тебя? Т-т-ты псих, н-н-не буду с тобой связываться!» И сделал еще один глоток] (Цзя Пинва, 2017, с. 15).*

В примере (12) междометия выступают рафинированными индикаторами эмоций и экспрессивами, которые выполняют перлокутивную функцию и напрямую воздействуют на реципиента или читателя. Многие междометия и звукоподражания в романе можно семантизировать как эмотивы.

В пространственных рассуждениях также может использоваться прием «обратного нарратива». Так, в повествовательном нарративе рассказчик рассуждает:

(13) 这事我不愿意给队长说，说了他也弄不清。

[Все это я не собирался рассказывать руководителю труппы, он все равно ничего бы не понял] (Цзя Пинва, 2017, с. 30).

Повествователь в данном примере произвел когнитивную операцию по выявлению потенциала коммуникативного успеха и, экстраполировав релевантный результат сообщения реципиенту и его перцепцию, принял решение не делиться информацией. Таким образом, как

мы видим, художественный текст может предоставлять богатый материал для исследования речевых конфликтов, а также культурных и этнонациональных особенностей проявления речевой агрессии.

4. Выводы и заключение

Результаты проведенного контекстуально-интерпретационного анализа речевого материала прозы Цзя Пинва на примере романа «Циньские напевы» (2005) позволяют сделать вывод, что в семиотике его художественного дискурса металингвистически проявляется фактор языковой личности и в семантико-смысловой архитектонике текста выявляются понятийно-эстетический, виртуально образный, эмоционально-чувственный, аксиологические и другие слои, что вскрывает смыслопорождающий потенциал художественного мира и основу идиостиля автора. Анализ прагматики метаязыка прозы Цзя Пинва показал, что на стилистическом уровне в качестве конфликтогенных языковых и речевых маркеров выступают языковые единицы, которые отражают специфику и фиксацию особого мировидения создателя текста, определяя уникальность этого текста и языкового материала как отражения реальности.

Конфликтная перлокуция на метаязыковом уровне в романе «Циньские напевы» Цзя Пинва продуцируется с помощью эмоционально-экспрессивного фона, который доминирует над информационным в контексте различных противостояний и столкновений. Эмоциональная связанность отдельных текстовых фрагментов и всего художественного дискурса демонстрирует, что в семантическом моделировании отражены когнитивный и прагматический механизмы межличностной коммуникации. Можно утверждать, что идиостиль Цзя Пинва репрезентирует динамическую систему объективаций экстралингвистического контекста, в которых реализуется лингвистика конфликта.

Список литературы

Беллевская Е. Г. Фрейм «conflict» в языке и тексте // Язык в глобальном контексте: языковые контакты и языковые конфликты в современном мире. М., 2021. С. 145–157.

Зыкова И. В. Ноцицепция и ее лингвокреативный потенциал в художественно-эстетической репрезентации // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2023. Т. 22, №1. С. 65–80. doi: 10.15688/jvolsu2.2023.1.6.

Игнатенко А. В. Экфрастическая репрезентация произведений живописи в чеховской прозе // Новый филологический вестник. 2019. Т. 50, №3. С. 160–170. doi: 10.24411/2072–9316–2019–00069.

Игнатенко А. В. Особенности языковой игры в прозе Лю Чжэньюня на примере романа «Я не Пань Цзиньянь» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.: Востоковедение и африканистика. 2022. №3. С. 507–523. doi: 10.21638/spbu13.2022.308.

Игнатенко А. В. Эмотивная суггестивность в современном китайском художественном дискурсе (на примере романа Юй Хуа «Жить», 1992) // *Oriental studies*. 2023а. №4. С. 1004–1014. doi: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-1004-1014.

Игнатенко А. В. Особенности парентетических конструкций в романе Мо Яня «Устал рождаться и умирать» (2005) // *Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология*. 2023б. Т. 22, №4. С. 115–126. doi: 10.25205/1818-7919-2023-22-4-115-126.

Козлова Л. А. Метафора как отражение этнокультурной детерминированности когниции // *Russian Journal of Linguistics*. 2020. Т. 24, №4. С. 899–925. doi: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-899-925.

Козлова Л. А., Кремнева А. В. Лингвоживописная техника письма и ее роль в создании образа художника // *Russian Journal of Linguistics*. 2022. Т. 26, №3. С. 721–743. doi: 10.22363/2687-0088-30060.

Киндеркнехт А. С. Конфликт в исследованиях по лингвистике // *Научный диалог*. 2023. Т. 12, №1. С. 45–68. doi: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-45-68.

Комалова Л. Р. Межличностная коммуникация. М., 2016.

Леонтович О. А. Политическая корректность, инклюзивный язык и свобода слова: динамика понятий // *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Т. 25, №1. С. 194–220. doi: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-194-220.

Муравьева Н. В. Язык конфликта. М., 2002.

Солопова О. А., Нильсен Д., Нильсен Э. Зооморфные метафоры в моделировании образа России: диахронический анализ американского медиадискурса // *Russian Journal of Linguistics*. 2023. Т. 27, №3. С. 521–542. doi: 10.22363/2687-0088-35048.

Спешиев Н. А. Китайцы: особенности национальной психологии. СПб., 2017.

Сунь Ю., Калинин О. И., Игнатенко А. В. Использование индексов метафоричности для анализа речевого воздействия метафоры в текстах публичных выступлений политиков // *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Т. 25, №1. С. 250–277. doi: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-250-277.

Ферт-Годбехер Р. Эмоции: великолепная история человечества. М., 2022.

Фещенко В. В. Художественная коммуникация: от семиотических моделей к лингвоэстетической теории // *Слово.ру: балтийский акцент*. 2021. Т. 12, №1. С. 7–31. doi: 10.5922/2225-5346-2021-1-1.

Цзя Пинва. Циньские напевы / пер. с кит. А. Н. Коробовой. М., 2017.

Цзя Пинва. Циньские напевы. [贾平凹. 《秦腔》]. URL: <https://www.tysk.top/xdwx/6091/> (дата обращения: 23.10.2023) (на кит. яз.).

Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987.

Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М., 2008.

Эслами З. Р., Ларина Т. В., Пашифоруди Р. Идентичность, вежливость и дискурсивные практики в меняющемся мире // *Russian Journal of Linguistics*. 2023. Т. 27, №1. С. 7–38. doi: 10.22363/2687-0088-34051.

Vilá, M., Ivanova, S. V. Language, culture and ideology in discursive practices // *Russian Journal of Linguistics*. 2020. Vol. 24, №2. P. 219–252. doi: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-219-252.

Wierzbicka A. I and Thou: Universal human concepts present as words in all human languages // *Russian Journal of Linguistics*. 2022. Vol. 26, №4. P. 908–936. doi: 10.22363/2687-0088-31361.

Об авторе

Александр Владимирович Игнатенко, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН им. Патриса Лумумбы, Россия.

E-mail: ignatenko-av@rudn.ru

ORCID ID: 0000-0001-9261-4306

Для цитирования:

Игнатенко А. В. Речевой конфликт в художественном дискурсе (на примере романа Цзя Пинва «Циньские напевы») // Слово.ру: балтийский акцент. 2024. Т. 15, №4. С. 118 – 131. doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-8.

Представлено для возможной публикации в открытом доступе в соответствии с условиями лицензии CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

LANGUAGE CONFLICT IN THE LITERARY DISCOURSE: JIA PINGWA'S NOVEL "QIN QIANG"

Alexander V. Ignatenko

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6, Mikluho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia

Submitted on 23.10.2023

Accepted on 15.05.2024

doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-8

The present study addresses the interdisciplinary issue of conflict and its linguistic specificity as a component of the emotive dimension in artistic discourse, with a focus on the novel "Qin Qiang" by Jia Pingwa (2005). The aim is to analyse the aspects of speech and language conflict, as well as its destructive forms, within the lexico-semantic, syntactic, and functional-stylistic units of the language. A conflictual communicative act is viewed as the result of specific failures in speech interaction and the violation of conventions and rules governing discursive behaviour. Linguistic contradictions and conflicts are analysed within the framework of emotiology, at the level of emotivity and the emotive field in the pragmatic space of artistic discourse, as a multimodal phenomenon shaped by systemic relations of emotionalism. Discursive contradictions function as key elements of the structural tension in the text, serving as linguistic and semantic dominants or attractors. These contradictions materialize as stylistic units at various levels and can be employed as a tool to create the desired effect in artistic narrative. Linguistically, conflict arises from violations of pragmatic-semantic and stylistic-syntactic conventional norms. Drawing on empirical material, the study demonstrates that the use of conflictogenic discourse in prose is a distinctive feature of Jia Pingwa's idiosyncrasy, integrating various communicative strategies. The findings provide a foundation for further research into speech collisions in Chinese fiction.

Keywords: Jia Pingwa, Chinese literature, linguistics of conflict, emotivity, "Qin Qiang"

References

Belyaevskaya, E.G., 2021. The "conflict" frame in language and text. In: *Yazyk v global'nom kontekste: yazykovye kontakty i yazykovye konflikty v sovremennom mire* [Language in a global context: language contacts and language conflicts in the modern world]. Moscow, pp. 145 – 157 (in Russ.).

Bilá, M. and Ivanova, S.V., 2020. Language, culture and ideology in discursive practices. *Russian Journal of Linguistics*, 24 (2), pp. 219 – 252, <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-2-219-252>.

Eslami, Z. R., Larina, T. V. and Pashmforoosh, R., 2023. Identity, politeness and discursive practices in a changing world. *Russian Journal of Linguistics*, 27 (1), pp. 7 – 38, <https://doi.org/10.22363/2687-0088-34051>.

Feshchenko, V. V., 2021. Literary communication: from semiotic models to a theory of linguistic aesthetics. *Slovo.ru: baltic accent*, 12 (1), pp. 7 – 31, <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2021-1-1> (in Russ.).

Firth-Godbehere, R., 2022. *Emotsii: velikolepnaya istoriya chelovechestva* [A human History of Emotion: How the Way We Feel Built the World We know]. Moscow, 320 p. (in Russ.).

Ignatenko, A.V., 2019. Representation of Painting by Ekphrasis in Chekhov's Prose. *Novyi filologicheskii vestnik* [New Philological Bulletin], 50 (3), pp. 160–170, <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2019-00069> (in Russ.).

Ignatenko, A.V., 2022. Features of the language game in Liu Zhenyun's prose on the example of the novel "I am not Pan Jinlian". *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, 3, pp. 507–523, <https://doi.org/10.21638/spbu13.2022.308> (in Russ.).

Ignatenko, A.V., 2023a. Emotive Suggestiveness in Contemporary Chinese Fictional Discourse: A Case Study of Yu Hua's *To Live* (1992). *Oriental studies*, 16 (4), pp. 1004–1014, <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2023-68-4-1004-1014> (in Russ.).

Ignatenko, A.V., 2023b. Features of Parenthetical Constructions in Mo Yan's Novel "Tired of Being Born and Dying" (2005). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 22 (4), pp. 115–126, <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2023-22-4-115-126> (in Russ.).

Jia Pingwa, 2017. *Tsin'skie napevy* [Qing Melodies]. Translated by A.N. Korobova. Moscow, 406 p. (in Russ.).

Jia Pingwa. *Qin qiao* [贾平凹. 《秦腔》]. Qing Melodies. Available at: <https://www.tysk.top/xdwx/6091/> [Accessed 23 October 2023].

Kinderknekht, A.S., 2023. Conflict in Linguistic Researches. *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue], 12 (1), pp. 45–68, <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-1-45-68> (in Russ.).

Komalova, L.R., 2016. *Mezhlichnostnaya kommunikatsiya* [Interpersonal communication]. Moscow, 180 p. (in Russ.).

Kozlova, L.A. and Kremneva, A.V., 2022. Lingua-artistic technique of writing and its role in portraying an artist. *Russian Journal of Linguistics*, 26 (3), pp. 721–743, <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30060> (in Russ.).

Kozlova, L.A., 2020. Metaphor as the refraction of culture determined cognition. *Russian Journal of Linguistics*, 24 (4), pp. 899–925, <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-4-899-925> (in Russ.).

Leontovich, O.A., 2021. The dynamics of political correctness, inclusive language and freedom of speech. *Russian Journal of Linguistics*, 25 (1), pp. 194–220 (in Russ.). <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-1-194-220>.

Murav'eva, N.V., 2002. *Yazyk konflikta* [The language of conflict]. Moscow, 264 p. (in Russ.).

Shakhovskiy, V.I., 1987. *Kategorizatsiya emotsii v leksiko-semanticheskoi sisteme yazyka* [Categorization of emotions in the lexico-semantic system of the language]. Voronezh, 190 p. (in Russ.).

Shakhovskiy, V.I., 2008. *Linguisticheskaya teoriya emotsii* [Linguistic theory of emotions] Moscow, 416 p. (in Russ.).

Solopova, O.A., Nilsen, D. and Nilsen, A., 2023. The image of Russia through animal metaphors: A diachronic case study of American media discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 27 (3), pp. 521–542, <https://doi.org/10.22363/2687-0088-35048>.

Speshnev, N.A., 2017. *Kitaitsy: osobennosti natsional'noi psikhologii* [The Chinese: features of national psychology] St. Petersburg, 336 p. (in Russ.).

Sun, Y., Kalinin, O.I. and Ignatenko, A.V., 2021. The use of metaphor power indices for the analysis of speech impact in political public speeches. *Russian Journal of Linguistics*, 25 (1), pp. 250–277, <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-1-250-277> (in Russ.).

Wierzbicka, A., 2022. I and Thou: Universal human concepts present as words in all human languages. *Russian Journal of Linguistics*, 26 (4), pp. 908–936, <https://doi.org/10.22263/2687-0088-31361>.

Zykova, I.V., 2023. Nociception and its linguocreative potential in artistic-aesthetic representation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 22 (1), pp. 65–80, <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.6> (in Russ.).

The author

Dr. Alexander V. Ignatenko, Associate Professor, the Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University, Russia.

E-mail: ignatenko-av@rudn.ru

ORCID ID: 0000-0001-9261-4306

To cite this article:

Ignatenko, A.V., 2024, Language conflict in the literary discourse: Jia Pingwa's novel "Qin Qiang", *Slovo.ru: Baltic accent*, 2024, Vol. 15, no. 4, pp. 118–131. doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-8.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))